

Иван Бунин

ТЕНЬ ПТИЦЫ (отрывок)

Кто знает, что такое птица Хумай? О ней говорит Саади: «Нет жаждущих приюта под тенью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете!»

И комментаторы Саади поясняют, что это — легендарная птица и что тень ее приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие. Песнью Песней, чудом чудес, столицей земли называли город Константина греческие летописцы. Молва всего мира объясняла его происхождение Божественным вмешательством.

Одна легенда говорит, что на месте Византии орел Зевса уронил сердце жертвенного быка. Другая — что основателю ее было повелено основать город знаменем креста, явившимся в облаках над скутарийскими холмами, «при слиянии водных путей и путей караванных». Но восточный

поэт сказал не хуже: «Здесь пала тень Птицы Хумай».

В двух шагах от меня, возле этой башни, еще и донныне совершаются мучительно-сладостные мистерии Кружащихся Дервишей. Их монастырь затерялся теперь среди высоких европейских домов. Несколько лет тому назад, в один из таких же жарких весенних дней, Герасим привел меня к его старой каменной ограде, и мы вошли, вместе с другими «франками», в небольшой каменный двор.

Помню фонтан и старое зеленое дерево посреди его, направо — гробницы шейхов-настоятелей, налево — кельи в ветхом деревянном доме под черепицей, а против входа — деревянную мечеть. Мы отдали несколько мелких монет, и нас впустили в восьмigrанный высокий зал, обве-

денный с трех сторон хорами и украшенный только сурами Корана. На хорах, над входом, поместились музыканты с длинными флейтами и барабанами, по бокам — зрители. Когда наступила тишина, вошел шейх-настоятель, а за ним десятка два дервишей — все босые, в коричневых мантиях, в войлочных черепениках, с опущенными ресницами, с руками, смиренно сложенными на груди.

Шейх сел у стены против входа, разделившиеся дервиши — по сторонам, друг против друга. Шейх, медленно повышая жалобный, строгий и печальный голос, начал молитву, флейты внезапно подхватили ее на верхней страстной ноте — и в тот же миг, столь же внезапно и страстно, дервиши ударили ладонями в пол с криком во славу Бога, откинулись назад —

и снова ударили. И вдруг все замерли, встали — и, сложив на груди руки, двинулись гуськом за шейхом вокруг зала, обертываясь и низко кланяясь друг другу возле его места. Кончив же поклоны, быстро скинули мантии, остались в белых юбках и белых кофтах с длинными широкими рукавами — и закружились в танце: взвизгнула флейта, бухнул барабан — и дервиши стали подбегать с поклоном к шейху, как мяч, отпрядивать от него и, раскинув руки, волчком пускаться по залу.

И скоро весь зал наполнился белыми вихрями с раскинутыми руками и раздувшимися в колокол юбками. И по мере того как все выше и выше поднимались голоса флейт, жалобная печаль которых уже перешла в упоение этой печалью, все быстрее неслись по залу белые

кресты-вихри, все бледнее становились лица, склонявшиеся набок, все туже надувались юбки и все крепче топал ногою шейх: приближалось страшное и сладчайшее «исчезновение в Боге и вечности»...

Теперь, на башне Христа, я переживаю нечто подобное тому, что пережил у дервишей. Теплый, сильный ветер гудит за мною в вышке, пространство точно плывет подо мною, туманно-голубая даль тянет в бесконечность...

Этот вихрь вокруг шейха зародился там, в этой дали: в мистериях индусов, в таинствах огнепоклонников, в «расплавке» и «опьянении» суфизма с его мистическим языком, в котором под вином и хмелем разумелось упоение божеством.

И опять мне вспоминаются слова Саади, «употребившего

жизнь свою на то, чтобы обозреть Красоту Мира»:

«Ты, который некогда пройдешь по могиле поэта, вспомни поэта добрым словом!

— Он отдал сердце земле, хотя и кружился по свету, как ветер, который, после смерти поэта, разнес по вселенной благоухание цветника его сердца.

— Ибо он восходил на башни Маана, Созерцания, и слышал Си-маа, Музыку Мира, влекшую в халет, веселие.

— Целый мир полон этим веселием, танцем — ужели одни мы не чувствуем его вина?

— Хмельной верблюд легче несет свой вьюк. Он, при звуках арабской песни, приходит в восторг. Как же назвать человека, не чувствующего этого восторга?

— Он осел, сухое полено».

1907 г.